

легкой лѣтней матеріи на окнахъ, лишенныхъ ставней и потрясаемыхъ вѣтромъ; цѣлые мѣсяцы слушаетъ вѣчные стоны, вздохи и завыванія этого вѣтра и шумъ морскихъ волнъ, разбивающихся о берега; цѣлые мѣсяцы прогуливается съ профессоромъ Фортонъ въ одинъ и тотъ же часъ, и по одной и той же дорогѣ; цѣлые мѣсяцы пишетъ подъ его диктовку письма до тѣхъ поръ, пока рука у нея не онѣмѣетъ, и читаетъ ему вслухъ до тѣхъ поръ, пока не охрипнетъ. Что касается чтенія и письма—то она не ропщетъ: чѣмъ больше, тѣмъ лучше! Ничто кромѣ труда, непрерывнаго труда не можетъ заглушить словъ Сары, мучительно раздающихся въ ея ушахъ: «въ твоемъ поведеніи нѣтъ смысла!»

Но она не хочетъ ихъ слышать. Еслибы даже они и были справедливы, то какой толкъ прислушиваться къ нимъ теперь? И кромѣ того, чтеніе и письмо спасаетъ отъ разговоровъ. Изъ убѣжденія, что какъ бы ни былъ человѣкъ преданъ умственнымъ занятіямъ, а стоитъ только пожить съ нимъ подъ одной крышей, чтобы увидѣть, что онъ живетъ не однимъ умомъ,—Белинда уже вывела, что ея профессоръ интересуется многими другими. Удивительно даже, что онъ теперь гораздо меньше толкуетъ объ отвлеченныхъ вопросахъ, чѣмъ о цѣнѣ на уголь и негодности служанокъ въ отеляхъ и пансіонахъ. Первый изъ этихъ сюжетовъ привелъ къ тому, что онъ уже предложилъ своей молодой женѣ топить каминъ только одинъ разъ въ день и употреблять для этого не болѣе двухъ корзинокъ угля; а второй—занимаетъ и теперь его мысли и языкъ. Итакъ, они сидятъ за завтракомъ, Белинда передъ чайникомъ изъ британскаго металла, а супругъ ея, напротивъ нея, передъ блюдомъ съ поджареннымъ свинымъ саломъ, поглощающимъ все его вниманіе.

— Совершенно невозможно,—медленно произносить онъ наконецъ,—чтобы мы вдвоемъ съѣли полтора фунта свиного сала въ три дня, тѣмъ болѣе, что я замѣтилъ, что вы его вчера соѣли не ѣли.

— Въ самомъ дѣлѣ?—возражаетъ Белинда равнодушно;—я не помню.

— И если справедливо,—продолжаетъ м-ръ Фортъ, а глаза его со строгимъ порицаніемъ перебѣгаютъ съ блюда съ саломъ на сахарницу:—какъ только-что намъ объявила Марія, что отъ фунта сахару, купленнаго мною вчера, остаются всего только эти нѣсколько кусковъ, то очевидно, что здѣсь происходитъ организованное воровство.

— Это очень дурно съ ихъ стороны,—беззаботно замѣчаетъ